

И. А. Дергачев

[ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛИТЕРАТУРЕ КАК БЫТУ]

Можно по-разному относиться к литературе. Порой она остается для человека только рядом книг, стоящих на полке, своеобразным складом ушедших или уходящих в прошлое произведений различных писателей, к которым следует подходить почтительно - так учили в школе. Но настоящее ее восприятие дает ощущение праздника мысли, чувства, рисунка, цвета, звука. Она всегда - живой, разумный, веселый или грустный, горячий или меланхоличный, опытный и тонкий, очень нужный твоей душе собеседник, часть потока жизни, окружающего тебя, уходящего в даль истории.

Умение ощутить литературу приходит у каждого по-своему. В пробуждении особого, трепетного, заинтересованного отношения к литературе у меня большую роль сыграло своеобразное приобщение к её собственной жизни, возможность взглянуть в раздумья писателей о себе и жизни, осознание значения того, что называют литературным бытом, для понимания произведения, рожденного этим бытом. Встречи с писателями меняли взгляд на книгу, на её содержание, на звучащее её слово.

Такие встречи начались давно. В середине двадцатых годов в нашей квартире постоянно появлялся один из добрых приятелей поэта Александра Блока - Александр Васильевич Гиппиус. Его переписка с выдающимся поэтом сейчас опубликована в «Литературном наследстве». Сам он некогда напечатал ряд стихов, скрыв свое имя под псевдонимом Александр Надеждин. Он знал не только Блока. Ему был известен тот литературный Петербург, который окружал их обоих.

Глухим голосом, никогда не накалявшимся страстями, всегда в очень точных и ясных словах он как будто размышлял вслух, стараясь осмыслить прошедшие десятилетия и особенно то, что отразилось в литературе. Он очень хорошо понимал необходимость и закономерность появления «Двенадцатых» в творчестве Блока. Был близок ему и пафос поэмы. Помню, как тогда меня поразила его мысль о бесплодности и исчерпанности того типа культуры, которая складывалась в России предреволюционного времени - о её музейном, собирательском, коллек-

ционном характере, когда интеллигентные люди знали много, почти все, из всех эпох и времен... Но эти знания не только не помогали построению общей концепции мира и человека, но мешали её формированию, вели к мысли о её какой-то бесплодности, о невозможности на их основе понять процессы, происходящие в социальной жизни... Я сегодня уже не могу воспроизвести всех его мыслей, всех сведений, которыми он уснащал рассказы о литературе. Но мне стало ясно, что писатель воспроизводит не только мысль мира, времени, народа, но и духовное состояние свое.

Еще более укрепили мой интерес к личности творцов литературы письма Вяч. Яковлевича Шишкова. Эти письма адресовались близкому другу моего отца, человеку высокой культуры, Павлу Степановичу Богословскому. Богословский - крупный ученый-фольклорист, знаток древней русской литературы, в те годы был увлечен мыслью о процессах в литературе современной. Он задумал книгу о Шишкове, написал ему, и завязалась переписка, почти лишенная обычных бытовых подробностей, но зато широко обращенная к творческой лаборатории писателя, к пониманию им тех или иных явлений литературного развития и - шире - истории современности, так скажем.

В большинстве своем эти письма до сих пор не опубликованы и даже цитировались в книгах о писателе далеко не полностью.

А Шишков в этих письмах очень полно раскрывал себя, свою личность, свою эстетическую программу.

Богословский, получив очередное письмо от своего корреспондента, приносил его к нам и либо читал полностью, либо пересказывал, зачитывал особенно интересные, значительные строки его. К письмам порой возвращались, сопоставлялись те или иные взгляды, оценки других писателей, которые в разное время давались Вячеславом Яковлевичем. Было заметно, как писательская вера в новые силы России росла, укреплялась.

В 1931 году, в августе, он побывал на Урале: в Свердловске, Тагиле, Соликамске и Перми, думая о романе о Демидовых. Но писателя поразили приметы не старого Демидовского Урала, а нового - размах строительства, созидания. «Дело делается большое, Свердловск хорош. Он знаменито расположен. Дивны видовые перспективы. Но весь перерыт, весь в стройках. Старый город тает, дома выпадают, как молочные зубы ребенка, растут новые, крепкие зубы». «О чудесах созидаемых и намеченных к созиданию расскажу лично», - пишет он. Обещание это было им выполнено. Он заехал в Пермь, виделся там с Богословским и моим отцом. О восторгах Шишкова мне и рассказал он [отец]. Сам я в августе 1931 года был уже в Свердловске.

Такое даже легкое прикосновение к литературе как быту, как жизни художника, которая много объясняет в произведениях его, определили направление моих литературоведческих интересов. Видимо

из юношеских лет пришло понимание, что творчество и личность писателя неразделимы. Это отразилось и в названии моей книги о Мамине-Сибиряке, где в виде подзаголовка стоит: «Личность, Творчество».

Студентом я встречался с некоторыми известными поэтами того, уже давно ушедшего времени. В 1929 году в Пермь приезжал Луговской. Три дня мы с Львом Левиным, тоже студентом, теперь известным автором многих литературоведческих книг, провели с выдающимся поэтом, можно сказать, неотступно следуя за ним. Луговской произвел на нас большое впечатление деловитой подтянутостью, собранностью, соединенными с человеческой мягкостью и непритворным интересом к людям.

Слушая его стихи (а он читал их как большой мастер), я, может быть, впервые почувствовал прочность союза поэзии и жизни. Меня покорила готовность поэта быть вместе со всеми, живое чувство Родины.

Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед.

Он не просил. Он утверждал свое право быть её частицей:

Я спал на твоей постели,
укрыт снеговой корою,
И есть на твоих равнинах
моя молодая кровь.

Очень краткой была встреча с Александром Жаровым. Я тогда вел литературной страницей ежедневной стенной газеты Педфака Пермского университета, и был горд, что известный поэт дал для первой публикации нигде не напечатанное своё стихотворение «Аэросани».

Приезжали на Урал в те годы Анатолий Мариенгоф - один из имажинистов, окружавших Есенина, и Рюрик Ивнев. Последнего я знал по посвящению одного из стихов в книге Сусанны Мар. Мариенгоф привлек внимание как автор большого повествования о Сергее Есенине, крикливо названного «Роман без вранья». Естественно, что первый вопрос, который я задал барственного вида поэту, все ли правда в романе? Отступив от меня на шаг, картинно разведя руки, Мариенгоф, рисуясь, ответил вопросом: «Молодой человек, а вы читали романы, в которых нет выдумки? Если вам встретился такой, то это был протокол, а не роман» Помолчав, он добавил: «В моем романе все, как в любом другом».

Эти слова не поколебали моей веры в то, что художник владеет высокой правдой понимания жизни. Перечитав роман Мариенгофа позднее, я понял, что автор менее всего заботился о правде. Он играл в литера-

туру. Играл в жизнь. В романе не было правды, веры в человека, участия к его судьбе.

В конце тридцатых годов в Свердловске мне удалось организовать литературный лекторий, в котором выступали люди, сами строившие тогда науку о литературе или принимавшие участие в литературном процессе. Лекцию о Маяковском читал Виктор Перцов, один из друзей поэта, известный критик, впоследствии доктор филологических наук. О Николае Островском вел разговор Марк Колосов, редактор журнала «Молодая гвардия». С интереснейшими литературными портретами классиков знакомил мастер устных выступлений Анатолий Виноградов, автор романов «Три цвета времени», «Осуждение Паганини» и других.

В лектории выступали известнейшие доктора филологических наук Гуковский, Гиппиус, Гроссман, Кирпотин, Мокульский. Их лекции собирали большую аудиторию в актовом зале школы 152 на улице Малышева. Слушателями были не только учителя-словесники, но и широкий круг научных работников, инженеров, врачей, рабочих.

Для меня эти встречи продолжались и в частных беседах с ними дома. Я входил в интересы, раздумья, мысли крупных исследователей, меня привлекала смелость и основательность взглядов, вырастающих из подлинно заинтересованного проникновения в смысл выдающихся произведений литературы. Все эти люди представляют и сейчас одну из блестящих страниц нашего литературоведения.

Поучительной была сама манера общения с аудиторией, умение сделать сегодняшней, свежей, жизненно важной фигуру Ломоносова или Расина, Державина или Стендаля. Я учился жить в литературе и жить литературой. Прекрасная школа, и я благодарен возможности её пройти.

Примечания

1. На первом листе рукой И. А. Дергачева написано: «Выступление по радио. Свердловск. 20 июля [1981 года] (к 70-летию)». Оригинал находится в архиве И. А. Дергачева (папка 1005).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА IX – XIX ВЕКА

© В.Р. Аминова, А.М. Булатова
Казань

ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ РОМАНАХ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Проблема личности – центральная проблема романа, которая разрабатывается как проблема сознания человека, его отношений с миром, структура его ценностно-смысловых ориентаций. Последние нередко имеют облик идей и жизненных программ, но часто бывают и внерациональными, непосредственными, интуитивными.

Как свидетельствуют работы М.М. Бахтина, В.В. Одинокова, Д.Е. Тамарченко, А.Я. Эсалнек и других, идея как предмет изображения, исследование процесса взаимодействия личности и идеи – жанрообразующие, конструктивные признаки русского романа.

В данном выступлении мы попытаемся выяснить, как реализация культурных концептов “личность и идея”, “разум и чувство” в русском и татарском романах влияют на национальную форму жанра.

В русской литературе XIX века герой интересен, прежде всего, своей идеей, той правдой-истиной, ради которой он готов и жизнью пожертвовать.

Обозначенная проблематика обращает нас в русской литературе, прежде всего, к творческому опыту Достоевского, герой которого одержимы той или иной идеей, во многом определяющей сущность их характеров.

Для человека восточной культуры, как показано в многочисленных исследованиях, посвященных данной проблеме, характерны такие черты отношения к миру, как потребность уйти в себя, наслаждение самой жизнью, такой, какая она есть, интровертная организация духовной жизни. Этим объясняется то, что внимание татарских писателей обращено, прежде всего, на эмоциональное состояние человека. Так, например, Г. Ибрагимов в романе “Молодые сердца” с необыкновенной